

Майя Устюжанина

Курьер

16+

Курьер

Жанр произведения: Роман

[Произведение написал автор BookVox Майя Устюжанина](#)

[Ссылка на публикацию](#)

Курьер

Я на белой рубашке золотом,

Ваше имя сегодня вышила.

Я люблю Вас до неба звездного,

И про это все ветры слышали...

Фаина Николас

Температура поднялась под утро. Машка ворочалась во сне, скидывала тяжелое толстое взрослое одеяло, сопела и сухо покашливала, не открывая глазок.

Над спящим ребенком склонились три женщины. Две - молодые, родные сестры-погодки. Мать девочки - старшая сестра Ольга, высокая, по-девичьи стройная, смачивала лобик охлажденной в уксусно-спиртовом растворе марлей. Другая сестра - Анна, невысокая и плотная, с решительным, хмурым лицом, стояла напротив детской постели в своей любимой позе, уперев кулаки в бока. С другой стороны кровати, на принесенном из кухни табурете, ссутулившись, сидела их бабушка Вера.

В комнате было сумрачно. Желтый электрический луч косо падал из коридора. За низеньким, чуть перекошенным оконцем занимался голубоватый мартовский снежный и сырой рассвет.

-Все еще растет, - Ольга, с тревогой смотря на ребенка, передала сестре градусник. -Ибупрофен у нас закончился еще в прошлый раз. Нужно было купить про запас, я не подумала, - тихо пробормотала она.

Аня хмуро и сонно посмотрела на старый градусник, повернув его блеклую полоску на свет, а затем опустила руку и прищурилась на окно. Времени было - начало шестого.

-Сейчас я съезжу на такси. В центре есть круглосуточная аптека.

-Может, лучше скорую?

-Нет, не нужно. Днем вызовешь педиатра. Что толку от скорой? Всадят ей укол и уедут. Она же только разорется спросонья.

Сказав это, Анна вышла из спальни. Ее низкая, густая тень последовала за ней, и в комнате стало чуть светлее. Ольга и Вера, не отрываясь смотрели на Машку, Вера протяжно, беззвучно и беспомощно вздыхала.

Аня достала с полки телефон и потерла залапанный экран о свой живот, затем приблизилась к кухонному окну. Изнутри на стекле матово поблескивали крупные прозрачные капли, это снаружи, сквозь старые деревянные рамы просачивалась в дом сырость. Герань, бурно разросшаяся на подоконнике, задетая Аниным круглым голым локтем, тут же пустила свой терпкий душок.

-Алло, здравствуйте, работаете? Я подъеду, спасибо....что? Нужно жаропонижающее. Ребенку. Пять лет..., да. Даже так? Да. Хорошо, так удобнее, конечно. Революции, дом двадцать пять. Да, дом частный. Ждем, спасибо.

Закончив разговор, она тут же заглянула в спальню и сказала сестре шепотом:

-Заказала доставку. Привезут в течение двадцати минут. Выйдешь - расплатишься и заберешь. Не забудь сегодня позвонить на работу и в детский сад. Вера, а ты - иди спать. Оттого, что ты там сидишь, ничего не изменится. Все, я буду собираться, время.

Через отмерянные на старых советских лакированных часах положенные двадцать минут, Ольга отошла от кровати, оставив дочь на старую прабабку. В тесной прихожей накинула поверх короткого халата пуховик, сунула свои босые белые ноги в Верины растоптанные сапоги и так вышла на улицу. Дверь за ее спиной, разбухшая от сырости, тонко скрипнула, Ольга придержала ее, чтобы та не хлопнула, и спустилась с низенького, расшатанного крыльца.

Под ногами было снежно, мягко и сыро. Влажный, нежный весенний ветер опустился сверху и погладил ее по распущенным волосам, пощекотал голые лодыжки. Она поплотнее запахнула пуховик и подняла лицо вверх. Кое-где еще мерцали звезды, высокое серое - синее небо было уже чуть розоватым на востоке. От старых, наваленных где попало и подтаявших сугробов шел холод и слабый свет. Мокрый, пахнувший холодом снег, казался голубым и вечным, потому что весна все никак не могла прорваться в их город.

Начинался обычный день, один из многих, одинаковых дней в этой затяжной, простудной, сырой и туманной зиме. Ольга вздохнула, предчувствуя тяжелый день с капризным, заболевшим ребенком. Снова придется просить начальницу, оправдываться, - с тоской думала она. А после - неделю бегать на отработки,

возвращаясь затемно и едва переставляя ноги от усталости и недосыпа.

Хотелось прямо сейчас куда-нибудь уехать. Но это, в принципе, было невозможно, поэтому даже такая маленькая прогулка в одиночестве была ей в радость. Она вдохнула носом свежий, холодный запах влажного снега, и горький аромат мокрого дерева, идущий от старой яблони, с шершавым, толстым сырым стволом, крона которой покрывала собой весь дворик. За воротами было тихо. Улица, на которой они жили, узкая и тупиковая, машины по ней не гоняли, соседи в такую рань все еще спали. Ольга прислушалась к этой временной, блаженной утренней городской тишине, отперла ворота, с трудом подтянув вверх старый железный засов и вышла на дорогу.

На дороге стояла в луже серенькая «двенашка». Двигатель был заглушен. В салоне автомобиля горел желтый свет. Была видна широкая черная спина водителя и клочок развернутой газеты, которую он держал перед собой. Ольга нахмурилась, подумав о температуращей дочке. Она решила постучать в окно, но подойдя ближе и увидев водителя в профиль, остановилась перед машиной, замерев на одном месте.

Разве они с этим человеком не встречались прежде? Было стойкое ощущение, что она его знает. Вот только откуда? Глубоко дыша холодным сырым воздухом, она словно провалилась в свой самый приятный и легкий сон. И, затем, незаметно вылетела из своего незначительного, хрупкого тела вместе с мартовским сквозняком. Ее, как пылинку, несло вдаль, тянуло по берегу реки, царапало по сухим серым полевым стеблям, волокно по макушкам рощи. Поделаться с этим она ничего не могла, лишь смотрела и смотрела на него глазами. И душою - внутрь себя.

Сырой, сумрачный, голубоватый рассвет. Глубокая рассветная тишина и повисшая в воздухе влага. Что это за человек? Она замерла, схватив на груди великоватый ей пуховик, забыв про холод и мокрый снег. И когда он медленно, как будто с трудом повернул к ней свое лицо, продолжила смотреть на него. Он тоже смотрел в ответ, чуть клонив голову набок, удивленный. Казалось, довольно долго. Точно сам забыл, для чего он здесь.

Сзади кто-то несильно толкнул ее в спину.

-Ну, что? Куда же ты пропала? Я опаздываю. Это курьер? Привез, что нужно? О-оля, - недовольно протянула Анна. -Время, время!

Анна отодвинула сестру, как мебель, заслонила собой удивительного человека в машине. Крепко дернула за машинную ручку и распечатала этот странный, затянувший в себя Ольгу, мирок. Наклонилась, влезла наполовину в салон,

пошуршала там, в машине, заворчала.

-Да ладно вам. Да не нужно, что вы? Ну, как знаете. Спасибо.

Когда сестра вынырнула из машины, от нее стало пахнуть теплым двигателем и пеной для бритья. Ольга растерянно смотрела на нее.

-Пошли в дом. Фу, блин, сыро как. Снова все тает, в который раз уже. Денег за доставку не взял, представляешь? Ненормальный, я же хотела дать больше.

-Чайную ложку. И запить, - напомнила дома Анна.

-Знаю, знаю, - дребезжа голосом отозвалась Вера.

-Я голову помою – и на работу. - Аня скрылась в ванной. -Гренок вам нажарила, - крикнула она из-за запертой уже двери. -Не благодарите!

Ольга осталась в прихожей одна. Повесила пуховик на вешалку, при этом неловко зацепила петелькой деревянный лакированный крючок, неприятно царапнула коротким ногтем дощечку. Опустила глаза и растерянно посмотрела на свои ноги в старых Вериных сапогах. Ей было не по себе. В теле еще осталось ощущение полета, а в мыслях - растерянность от непонимания того, что же это с ней такое было.

Пару секунд спустя, она потянулась и сдернула с крючка пуховик, но не надевая, а в обнимку с ним, снова вышла из дома.

Машина все так же стояла за воротами. В проснувшемся кое-как, розовато-голубом утре слышались первые звуки. Гул мотора и скрежет шипов по мокрому льду. Водитель не мог выехать. Ольга не спеша подошла к окну, смело, так же, как и Анна. Водитель увидел ее и тут же потянулся, чтобы открыть окно.

-Дать вам лопату? – спросила она первое, что пришло на ум.

У него были темные волосы, крупные глаза, серые, или, кажется, голубые – непонятно. Он смотрел на нее без какого-то ни было выражения. А затем спросил:

-А у вас есть песок?

Он вышел из своей машины и оказался высоким человеком, под метр восемьдесят. По сравнению с Ольгой – великан. Он накинул поверх черной рубашки черную короткую куртку. Рукава куртки были ему коротковаты.

Вынутой из багажника лопаткой, наклонившись, копнул заснеженную маленькую горку у ворот – там был песок, летом Машка ковырялась в нем. Он кинул по лопате песка под задние колеса своей машины.

Ольга крепко держала лопатку, пока он выезжал из вечных, заледенелых ям, которые они, местные жители, знали уже на ощупь. Выехав из колеи, он остановился, заглушил мотор и, потянувшись, открыл переднюю пассажирскую дверь. Ольга села в машину вместе с лопаткой, удерживая ее перед собой и не решаясь опустить на чистый сухой пол.

Некоторое время они сидели в полной тишине и смотрели на мокрую, кривую и неровную дорогу перед собой.

Ей было щекотно, странно и страшно. Оттого, как сильно он понравился ей и оттого, что это, было, кажется, взаимно.

-Вы хотели бы встретиться со мной еще? – негромко и глухо, не глядя на нее, спросил он.

-Да.

После этого она, чуть повернувшись, решила рассмотреть его вблизи. У него было крупное лицо, темно-русые волосы давно не стрижены и длинная челка падала ему на глаза клочьями. Под глазами лежали темные тени усталости. Губы полные и сухие, неподвижные. Она отвела взгляд.

-Меня зовут Андрей, - сказал он. И положил свои красивые большие руки на затертый руль.

Это был наглый, самоуверенный и умный тип. Хорошо одетый, со вкусом и вниманием к мелочам. Чистенькая обувь, остренькие белые уголки рубашки под стоячим воротом дорогого черного пальто. Очень внимательный и хваткий человек.

Дальше ворот они его не пустили, но он все норовил осмотреться, стремился попасть в их дом. Аня встала перед домом стеной, загородив ему дорогу своей выпирающей из-под растянутого толстого свитера, большой грудью. Султан за сеткой злобно тарашился, но получив четкий приказ молчать, только скалился белыми клыками и шипел как змея, сидя у себя в будке. Ольга поглядывала то на него, то на Анну. Видела, как по-мужски ходят у сестры желваки, как она

сдерживается и давит в себе гнев.

Интересно, он и дома такой же? Чистенькие носочки, белая рубашечка, платочек в кармане, или же салфеточки. И всегда одинаковая, гладкая, стильная прическа. Интересно, как его жена это выносит? - Думала Ольга. Она беззастенчиво пялилась, но он этого не замечал. Он смотрел на Анну.

-Вообще не понимаю вашего упрямства. Ведь вы держитесь за гнилье. Половина ваших соседей на этой улице уже дали добро. Участки выкупаются. Вам действительно не за что держаться. Дом – под снос. Вы разве не видите? – Риэлтор все давил на сестру. –Рано или поздно – вы все равно придете к этому. Так что давайте не будем затягивать.

-Мы отказываемся.

-Да нет, вы подумайте хорошенько! Это очень выгодное предложение для вас. Купите отдельную квартиру, с удобствами. Теплый подъезд, лифт, лоджия. Никаких забот. Ведь у вашего дома крыша просела – вы сами-то видели? Сколько ему лет?

-Да неужели? Лифт, подъезд... Нас четверо, между прочим. А денег, которые вы предлагаете, хватит разве что на лоджию.

-Ну знаете... ваш маленький участок действительно столько стоит. Хотя и цены на жилье сейчас сильно упали. Новых застроек много. Ознакомьтесь на досуге с предложением. И, тем более, ведь не обязательно брать квартиру в самом центре. Там душно и тесно. Сейчас в городе много новых районов с развитой инфраструктурой. Там и школы и больницы, и торговые центры и парки. Все рядом.

-Нет, мы отказываемся.

Риэлтор устало выдохнул. У него была очень чистая и гладкая кожа. Но неприятное, птичье лицо. Должно быть, это сильно мешало ему в работе. Глаза его воровато сновали по мокрому маленькому двору, из угла в угол. Ольге, которая в разговоре почти не участвовала, стало стыдно за нищету, когда она заметила, что он рассматривает их двор. Было стыдно за некрашеный изнутри, серый, подгнивающий снизу забор, за кучу прошлогодней листвы у крыльца, за скользкие неопрятные лужицы на дорожке. В доме, во дворе, нет мужчины, хозяина, это было заметно.

Ее мигом накрыла глупая, острая материнская жалость. К неодушевленным, старым предметам. К низенькому сырому старому дому, к большой, еще живой,

таящей в себе будущие цветы, яблоне, к перекосившемуся окончательно крылечку, к игрушкам, брошенным у входа. А затем и к домочадцам – к старой Верочке, к маленькой, болезненной Машке, к характерной и сильной родной сестре, старающейся защитить их мирок, к мечущейся за сеткой, большой, умной собаке.

Закатать лужицы асфальтом, вырвать яблоню, снести дом. Взрыть землю под ним и проложить канализацию, придавить их тихие дворовые летние вечера новым, большим, красивым домом. С подъездами, лифтами и лоджиями, со стоянками и квартирами, которые они никогда не смогут позволить себе купить. Наверное, это правильно. Город растет, и людям нужно место, чтобы комфортно жить.

-Разрешите, я проведу здесь замеры. И тогда смогу назвать вам точную стоимость. Возможно, она даже окажется выше.

-Нет, мы отказывается, – спокойно повторила Аня. –От замеров тоже. Я и так знаю, что у нас здесь - семь соток. Что их мерить?

-Напрасно вы. – Он нервно подхватил под мышку черную пластиковую папку. –Советую вам, девушки, хорошенько подумать. Или будете жить в вашем дряхлом доме рядом со стройкой. Шум, пыль, бетон. А оно вам нужно? Вы хоть бы о своих детях подумали.

-Клуши, - мысленно продолжила про себя Ольга. –Старые клуши. Толстые старые клуши.

— Вот ведь... выхухоль, гондон рваный! - Выругалась Аня, едва незванный гость вышел за ворота.

Ольга рассмеялась.

-Ань, ну ты что! Услышал ведь.

-Да мне то что!

-Сожгут нас вместе с домом, Ань. Ты как думаешь? Слишком дорогая под нами земля.

-Да пусть пробуют! Как же достало все... - Анна подошла к сетке и позвала Султана, достала из кармана тонкий, спутавшийся поводок. Желтый, свалывшийся после зимы Султан нетерпеливо переступал, ожидая, пока его наконец-то пристегнут и выведут на улицу.

-У меня - Машка, - напомнила Ольга, наблюдая, как сестра выводит собаку из вольера.

-Да у тебя не только Машка, - Аня косо глянула на нее. -Ведь так? Почему ничего не рассказываешь?

-Особо нечего.

-Да брось. Что за человек? Откуда?

Ольга промолчала. Аня, не дождавшись ответа, вздохнула, отвернулась и вышла за ворота, оставив сестру во дворе.

Ноги замерзли. Ольга стояла в коротких резиновых сапожках, посреди мартовской лужи. Снег почти растаял, повсюду повылезла жидкая грязь. Пахло весной: теплый долгий ветер приносил запахи моря, островов, дальних дорог. Она любила этот весенний ветер, порывистый, качающий прошлогодние сухие стебли в полях, гуляющий в черных верхушках еще не проснувшихся пока деревьев. Ветер странствий – так она называла его про себя. Именно этот ветер тащил ее тем недавним памятным утром через поля и реки. И теперь, он всегда был рядом. Аня никогда бы не поняла.

Впереди чернели поля. Куски снега островами белели по обе стороны дороги. Они ехали по трассе, и грязь от встречных машин летела в лобовое стекло машины. Дворники смывали ее, образуя на сером стекле квадратное окошко.

Ольга смотрела по сторонам. И чувствовала себя юной. Легкой и смелой, как раньше. Привлекательной. Будто ей семнадцать лет. И она впервые куда-то далеко едет сама, без родителей.

-Ты живешь далеко от города?

-Не очень. И там у меня не очень хороший дом. Увидишь сама. Зато большой старый сад. В нем можно заблудиться.

-Такой большой?

-Почти как лес.

Андрей устало прищурился на дорогу. Он был медлительным. С плавными, тяжелыми жестами, всегда крайне сосредоточенный на том, чем именно занят в данный момент. Молчаливый и задумчивый. Кажущийся странным, с первого взгляда, человек.

Ольге нравилось на него смотреть. Он плавно вел машину, объезжая ямы и трещины. Волосы, все такие же нестриженные, касались его густых темных бровей и подрагивали от движения.

-Ты красивый человек, - сказала она, повернув к нему свое лицо. -У тебя красивые движения и добрые руки. Ты это знаешь?

Он тихо рассмеялся. Обнажив зубы, и чуть склонив голову на руль, точно был смущен. Она тоже улыбалась.

-Нет, я не знал... У меня сейчас будет холодно. Пока я растоплю печь, лучше не разуваться и не снимать верхнюю одежду.

-Ты там не ночуешь?

-Два дня в неделю я ночую в машине. Из-за ночной работы курьером. Дом успевает остыть и отсыреть.

-А днем?

-Днем я работаю в магазине.

-Я тоже работаю в магазине, - сказала она. -Удобный график. Пока дочка еще маленькая.

Он спокойно вел машину. Молчал. Ольге показалось – он повеселел. По крайней мере, с того момента, когда они только встретились, тогда его глаза были словно затянута мутной пленкой усталости и недосыпа. Сейчас же они блестели.

Она свои сжала лежащие на коленях руки. Удерживая себя от острого, неуместного и вызывающего желания прикоснуться к его бедру, длинному и сильному, обтянутому ярко-синей, грубой джинсовой тканью.

Дом стоял на отшибе села, село находилось на границе области. Дом был совсем простой. Деревенский, маленький, кособокий, старый. При входе Андрей наклонился, чтобы не снести головой притолоку. Внутри их встретил запах сырой побелки и засохшая на полу грязь в холодной, пустой прихожей.

Хозяин прошел на кухню, положил ключи на обернутый клетчатой клеенкой столик и вышел за дровами на улицу.

Ольга неспеша осматривалась, прикасаясь к холодным и влажным стенам кончиками пальцев. Здесь все, с первого взгляда, показалось ей родным. А все оттого, что такой же дом когда-то был у ее деда, да и у всех тех, кто родом из

деревни, кто проводил там свои школьные лета, кто просыпался утром от яркого солнца, звонкого кудахтанья кур и ошеломительно радостно и звонко поющей по радио свою «Хуторянку» Ротару.

Ольга вернулась на кухню и распаковала свою хозяйственную сумку. Еду она приготовила заранее.

Андрей вернулся с дровами. Прошел, не разуваясь, тяжело шагая, сгрузил сухие дрова на пол, на прибитую к деревянным доскам металлическую пластину, выкрашенную коричневой половой краской. Присел на корточки перед печью.

Ольга стояла, опираясь о столик, и смотрела на него через коридор. Ей нравилось то, как он сидит на корточках, согнув свои длинные, сильные ноги. Как не спеша укладывает дрова и разжигает огонь, дуя в нутро печи. Загоревшийся огонь окрасил его лицо и волосы горячим медным оттенком.

Поднялся он медленно, тяжело. Опираясь руками о еще холодный, обитый железом угол печки. Затем повернулся. Прошел через коридор, не спеша и приблизился вплотную. Посмотрел на нее сверху вниз. Затем склонил голову и плечи, и поцеловал ее. Долго, тягуче, медленно и очень крепко. От него пахло сухой летней травой, костром и солнцем. Она впервые дотронулась до его волос. Они были гладкие и теплые. Кожа его казалась горячей и была шероховатой.

Он оторвался от нее и, опустив глаза, произнес.

-Ты не будешь против? Мне нужно примерно час, чтобы отдохнуть.

-Я найду чем заняться. Не спеши.

-Спасибо.

Оставшись в кухне одна, Ольга нашла ведро, принесла из колонки воды и с удовольствием выдраила деревянный пол. Мурлыча про себя непонятно откуда взявшийся мотив, вымыла старую белую газовую плиту и перекошенные кухонные окошки.

День тихо клонился к закату. Пару раз она тихо заглядывала в его спальню – узкую, оклеенную желтыми обоями комнатку. Он тихо спал прямо на покрывале, не снимая ни брюк, ни рубашки. Длинные ноги свисали с кровати. Ботинки его стояли рядом.

Она подняла их – тяжелые и большие, вынесла к порогу. Нашла какое-то тонкое одеяло, накрыла его, спящего.

Дом медленно наполнялся сухим, пахнущим деревом, теплом. И темнотой. Свет она не зажигала, медленно ходила по дому в этом теплом полумраке.

Окна большой комнаты выходили в сад. Он, действительно, больше был похож на лес и уходил далеко вглубь, растворяясь в сумерках. Черные деревья и кустарники, казалось, переплелись между собой навечно. Молодые и старые деревья – все вперемежку. Таинственные, глухие, туманные и сырые дебри, неизвестно что таящие в себе. Как в сказке. В той старой сказке, где волшебный лес переполнен живыми существами, глухими тропами, непролазными дебрями, болотами и освещенными солнцем, цветочными полянами. Там, где, кто-то шуршит в чащобе, что-то хлюпает за спиной и в поваленных, старых деревьях живут рои диких пчел. Там, где по ночам болото светится огнями, в ветках ухаёт филин, а по низу, то тут, то там слышится шорох. Кто-то приближается к тебе, кто-то совсем рядом.

У нее захватило дух. Как же хорошо было почувствовать себя вот так: захваченной в плен добрым великаном, заточенной в старом замке, окруженном непролазным лесом. Отсюда не хотелось бежать. Но можно было сделать вид, что хочешь этого.

Ольга распустила волосы, растрепала их пальцами. Встала у окна и, наслаждаясь собственными мыслями, стала смотреть в этот густой лес.

Это чувство снова вернулось к ней.

В юности она как-то осознала, что совсем не хочет взрослеть. Не хочет, и все тут. Смотря на маму, бабушку, сестру, на всех прочих окружающих ее людей. Нет, она никому себя не противопоставляла. Но все же, ей было невероятно скучно среди них. Она читала книги, много книг, она росла в обнимку с ними и мир, открывавшийся ей в эти часы, был куда заманчивее и нужнее, чем все прочее. Сестра и мама смеялись, подтрунивали над ней. Но книжки уносились в библиотеку и брались, покупались и покупались снова. Она точно жила в двух мирах одновременно. Это не мешало ей, но делало ее жизнь гораздо более насыщенной и яркой. Она хорошо училась. Она выросла и устроилась на работу, и жила, как все. Но открыв для себя однажды это чувство - отрешенности, вдохновения, полной свободы, возможности выхода за рамки своей реальности, когда в усталости и пылу будней, ты помнишь о том, что он есть у тебя – тот бесконечный, как горизонт, скрытый ото всех мир, - все это делало ее счастливой. И, наверное, особенной. В этом особенном мире ей можно было, даже не нужно было взрослеть, и она это поняла.

После развода с мужем, попытки перенести сказку в реальность она резко оборвала. Оглядевшись, приняв на себя обязанности, выслушав упреки, перетерпев жалость, стыд и насмешки, родив ребенка, научившись заботиться о нем, она приняла реальность такой, какая она есть. Это было нужное и правильное, это была ее жизнь. Ну и пусть – решила она. Пусть, теперь у нее не было даже минуты на то, чтобы почитать, лишь только тревоги и заботы занимали все ее время, но она всегда помнила о том, что он ее ждет. Она знала, что всегда сможет вернуться в свой вымышленный и живой мир, это было неизменно.

Она улыбалась, смотря в окно. Старый замок. Окруженный тихим лесом, темными озерами и голубыми туманами. Незведанный еще мир, мир другого человека. Возможно похожий на ее грезы и добрый для нее, кто знает? Ее наконец-то похитили.

Великан ждал ее в темном дверном проеме. Склонив голову набок, со смятой ото сна челкой, спокойный и тихий.

-Тебе нравится здесь?

-Мне спокойно. Мне нравится тишина. И сад тоже очень нравится.

-Весной будут петь соловьи. Прямо над окном. Так громко... Тогда тишины не будет.

-Я послушаю, можно? Когда придет весна.

Она подошла и взяла своего великана за руку.

В доме было уже почти совсем темно. Не зажигая лампу, они сели за стол друг напротив друга. Между ними было лишь маленькое оконце, через которое сочился последний синий свет.

В мае яблоня в их дворе цвела, как в последний раз. Розоватыми крупными цветками был усеяны все ее длинные ветки, вплоть до самых мелких и нижних, тех, что росли в тени. Дворик был усыпан белыми лепестками и желтыми солнечными пятнами. Весь день над головами жужжали насекомые.

Женщины лепили на кухне пельмени. Кухонька, тесная и заставленная утварью, вмещала в себя уголок со шкафами, старый холодильник, диванчик, обеденный стол, цветочные горшки. И икону, обставленную оплывшими свечами, стоящую

на специальном треугольном столике в правом углу. Все три женщины были присыпаны мукой, мука была на полу и немного на подоконнике.

-Смирновы продают хату -то. Учора Нинка сказала, што Сашка решил продать. Усе, говорить, житья тут не будеть.

-Будет, Вера, будет. Посмотрим еще. – Аня сузила глаза, яростно раскатывая тесто. Столик скрипел и ходил ходуном.

-Ань, ты так столешницу проломишь.

-А стройка же? Как же? Стройка-то будеть здесья.

-Да, может и не будет. Если люди не согласятся продать участки, то и стройки не будет, - Анна подняла вверх скалку, точно замахаясь на кого-то. Затем отложила ее и взялась за нож.

-А коли согласятя? Нам-то куда деваться?

-Землянку выроем... Оль, Машку давно видела?

-Она во дворе.

-С ним?

-С Андреем, да, - ответила Ольга.

Аня, полосуя тонкое тесто, вскинула на нее глаза.

-Не боишься?

-Чего? – тихо спросила Ольга.

-Чего! – передразнила ее Анна. И, понизив тон, добавила: -Я не знаю, ты же мать... Почему он все время молчит? Что это за манера такая – молчать. Он странный, Оля. Ты что, не видишь? Совсем ничего не замечаешь? - Аня перешла на шепот: -У тебя ребенок, маленькая девочка. Ты о ней должна думать в первую очередь. Делать так, чтобы ей было хорошо.

-Я делаю, - просто ответила Ольга. -Вот, леплю пельмени.

-Лепит она... А дочка твоя с кем гуляет?

-С Андреем. Он крыльцо нам делает, а она смотрит. Ты же слышишь, как стучит молоток.

-Оль, ты дура?

Ольга вскинула не сестру удивленные глаза.

-Анька, ты-то тут не шуми. Чого ты узялась? Дура, говоришь на сестру. Угомонися.

-Вера, не лезь. Ты, Оль, узнала бы сначала человека. Хоть немного. – Аня бросила тесто и пристальным долгим взглядом пронизала сестру. -Что, как и откуда он пошел. А потом бы уже вела его в дом. Я – не против, - она приложила перепачканную мукой руку к своей большой груди. –Строй свою жизнь. Мы поможем тебе с дочкой. Но, знаешь, страшно. В наше время – страшно кому-либо доверять.

-Я понимаю...

-Что, ну вот что ты знаешь о нем? Например, сколько ему лет?

-Двадцать девять. Я спрашивала.

-Моложе тебя. Это раз. Родители его где?

-Развелись давно. Мама в Украине, замужем, отец... ну, про это он не знает. Да какая разница?

-Чудно. Какое у него образование? Зачем он по ночам работает? Почему до сих пор не был женат? Может, он судимый?

-Аня, потише, пожалуйста.

Ольга втянула голову в плечи.

-Ты его паспорт видела? Хотя, сейчас паспорт заменить – плевое дело!

-Не нагнетай. Отстань от меня.

-Один раз мы от тебя с мамой уже отстали. Когда ты в двадцать пять лет бегала на свидания после работы каждый день. Как школьница. Ты и слушать нас не хотела. А он доехать до твоего дома не мог. Машину ему было жалко бить по таким дорогам...

-Я помню, Аня. Я все помню. Про Женьку и про маму. И про вашу житейскую мудрость. Может, я слепая? Глупая курица. Ну что делать –то? Как жить? Раз я такая...

-Думай о дочери.

Ольга только вздохнула.

-Мама! – Машка, сверкая новым розовым платьем, надетым по случаю гостя, ворвалась в дом, как вихрь. Пробежала на кухню, роняя в коридоре сандалии.

-Что, детка? – спросили все три женщины хором.

-Там дядя Андрей...

-Что?

-Ему как-то плохо. Он упал.

Ольга побежала на улицу. Следом выкатились Аня, Вера, и оробевшая Машка.

Андрей сидел на земле, возле кучи свежих, напиленных досок, опираясь о землю и низко опустив голову. Он был очень бледным. Лицо его было в крупных прозрачных каплях.

-Сердце..., – Аня рванула обратно в дом, к аптечке, а Ольга, опустившись рядом с ним на колени, схватила его за плечи.

Вечер был тихим и теплым. На улице, за воротами, шумели соседские дети. Султан повизгивал, возбужденный их криками.

-Что с тобой такое? – Анна строго смотрела на молодого мужчину. Уперевшись руками в крутые бока и закрывая ему весь обзор, так что он мог видеть только ее.

Андрей сидел на кухне. Вера, перекрестившись и перекрестив всех, кто был в доме, ушла к себе, спать. Ольга в ванной комнате на ночь купала свою дочку, было слышно, как они негромко болтают там, за закрытой дверью.

-Все нормально, - ответил он.

-Как тебе права дали, если ты страдаешь такими приступами? Ты мою сестру возишь, между прочим.

Он неожиданно улыбнулся. Анна нахмурилась, увидев эту его улыбку, кажется, он улыбался впервые с того момента, как Ольга познакомила их. Улыбка была мягкой. С ямочками на выбритых щеках белозубая. Спокойные серые глаза его смотрели на нее и тоже улыбались. Это был красивый, большой человек. С неким мягким, тягучим обаянием, незаметным с первого взгляда, но чувственным, осязаемым вблизи. Ольга могла потерять голову, это неудивительно. Ольга же –

романтик. Увлеченная, нежная, книжная натура. Не то, что она Аня, реалистка и еще раз реалистка. Ее-то на мякине не проведешь и улыбками не задобришь.

-У меня есть кое-какие проблемы, но это лечится.

-И ты сейчас занимаешься этим вопросом?

-Да.

-Какие именно проблемы?

-Аня, а я имею право хранить молчание? - тихо спросил он.

-Ну, допустим...

Она отошла от него, недовольная и встревоженная. Странный, странный тип. Хотя и Ольга – тоже. Одного поля. Ненормальные. Анна посмотрела в угол, подумала. Потом снова взглянула на него.

-Но, похоже, это серьезные проблемы?

-Да, - он отвел взгляд. – Но только, между нами. Спасибо, что помогла мне сегодня.

-У меня есть начальное медицинское образование, поэтому я догадалась... Ты напугал. Нас и ребенка. Ты это знаешь?

-Извини.

-А Ольга знает?

Он покачал головой.

-Ты должен рассказать ей все.

-Я не хочу делать этого сейчас. –Он опустил свою правую руку на стол и прижал к столешнице раскрытую, большую и сильную ладонь. –Я должен вести нормальную жизнь. Водить машину и работать. Иначе, это будет невозможно.

-Что, настолько, плохо? – Анна склонилась к нему. Встревоженная искренне, и не столько за свою добрую и невезучую сестру, а скорее этим странным, приятным и непонятным ей человеком.

Он снова улыбнулся.

-Нет, Аня. Все хорошо.

-Здесь много тропинок, смотри. Одна переходит в другую. Это живой лабиринт. Не бойся, ты не заблудишься

-Я не боюсь.

-Здесь есть фонарики – светлячки. Они будут светиться в траве, под ногами. Еще немного и уже стемнеет. Тогда можно будет выйти.

Примерно через час они вышли из дома. Обошли его и тут же углубились в сад.

Птицы уже начали свой перезвон. Но еще не здесь, не у дома, а где-то далеко. Поодиночке, с разных сторон, очень нежно и тожественно.

На траве лежала роса. Ольга наступала в траву, и ее тряпичная обувь быстро промокла.

-Андрей, а что там – за этим лесом?

Он посмотрел вдаль.

-Там? Лес и холмы. Еще есть болото.

-Правда? И никого больше?

-Нет. Там никого нет. Только звери и птицы.

-Ух ты! - Выдохнула она.

-Тебе это не кажется странным? – спросил он. –Тебя это не пугает?

— Это то, чего я всегда хотела.

-Тогда иди, - он легко толкнул ее. –Иди вперед. Не бойся.

Она сделала пару шагов вперед и обернулась. В темноте почти не было видно его черт. Только высокая и большая тень.

Внезапно он растворился.

Ей стало страшно, но лишь на секунду. Все равно, пусть все идет своим чередом. Ради таких моментов ей и стоило жить. Ради такой любви. И слияния с ночной, живой, дышащей природой, ради погружения в мир собственных фантазий и проживания их не во сне, а теперь уже по настоящему, снова и снова. Ей впервые в жизни удалось получить этот фантазийный мир наяву. Так, что она

могла теперь дышать им, видеть и осязать его. Топтать ногами волшебную траву, мокнуть в ее росе и ждать своего великана.

У нее зашло сердце, по спине пронесся рой колючих мурашек. В руках и ногах зазвенела сила. Она повернулась и побежала вперед, выставив перед собой руки.

Маленькие фонарики то и дело мелькали в сырой траве, у ее ступней. Блеклые, и не дающие достаточно света. Тьма поглощала их.

Сад был бесконечным. Извилистые тропинки, мокрые большие травы и ночные цветы, хлеставшие ее по ногам, ветки, хватающие за волосы – все это было наяву. Она сворачивала наугад, куда придется, вертелась, кружилась, забыв обо всем. Она искала – и не хотела найти выход. Лишь только это не кончалось. Ни эта ночь, ни эта тропа. Он где-то здесь. Она знала это и смотрела по сторонам, боясь и одновременно желая увидеть его темную фигуру. В конце – концов, он должен был ее рано или поздно найти. Ведь они так похожи. Странные, не от мира сего, сумасшедшие, еще молодые, сильные люди. Способные повторить эту ночь и много других, сотворить сказку для самих себя. Там, где только лес и горы, звери и птицы. И никого вокруг.

Сердце колотилось и в ушах стоял звон. Очертания крупного дерева впереди, ветки – точно протянутые вперед руки. Страшно. Страшно весело. Совсем нет усталости. И никому. Никому никогда не рассказать об этом. Какое это счастье – бежать по ночному саду, но не быть одной. И не спать....

Она ловила ртом воздух. Тропинки стали уже, но редкие фонарики не кончались. Можно было, не боясь, бежать на их свет. Ведь он был здесь, ее великан. Это и были его следы.

Она услышала шорох рядом с собой и сошла с тропинки. Побежала сквозь траву и зацепилась за куст. Дернула подол и дальше, вперед, задыхаясь туманом и счастьем.

Когда он ее поймал, роса уже не казалась такой холодной, а трава была чистой, как новое покрывало.

Утром следующего дня он не смог проснуться. Лицо у него было блее подушки, точно из человека за ночь выкачали всю кровь. Но выражение на лице было до жути умиротворенным.

Холодеющими руками, не понимая, не дыша и не помня себя, Ольга позвонила в скорую помощь. А потом – сестре. Потому что сестра была умна и рациональна,

как мама – она всегда знала, что нужно делать.

Аня почему-то плакала. Совсем как мама. Растирала крупные слезы по крепким, тугим, красным щекам. Стянутые на затылке волосы и завивающиеся пряди на лоб, делали это семейное сходство еще более заметным.

-Твою ж мать, какого хрена тебе так достается? Что за х...,

-Аня, пожалуйста, не матерись. Мы в больнице. Скажи лучше, как там Маша?

-Маша в порядке. Утром съела кашу, молодец... Вера присмотрит... Оль, ну что теперь с этим делать, а? Как он? А ты?

Ольга отвела взгляд. Она была очень спокойной.

-Я не знаю. Мне будто все это снится. Я уже потерялась в том, что правда, а что нет... С ним так всегда.

-Ты с врачом разговаривала? – перебила ее Анна.

-Да. Он сказал мне, что Андрею необходимо лечение, как можно скорее.... Он, оказывается, собирал деньги себе на операцию. По квоте он ее не дожидается, слишком долго ждать. У нас помочь не могут. - Ольга прищурилась, смотря в стенку напротив. Было ощущение, что она вытаскивает эти слова из своей памяти – по одному. -Этот порок лечится. В Германии такое сейчас лечат. Бывают случаи – люди после этого доживают до старости.

Анна вытерла последние слезы и громко шмыгнула носом.

-У него есть кто-то, кто может помочь?

-Если бы кто-то был, уже бы помогли. Я думаю. Ему давали прогнозы, что доживет лет до двадцати, может, чуть больше. А ему уже почти тридцать. Но сердце изношено.

-Вот черт! Невезуха, блин!

Анна беспомощно осмотрелась по сторонам. Больничный холл был пуст. Матовый, дымчатый холодный свет лился сквозь стекла, утро было пасмурным. Жизнерадостная суданская роза в деревянной кадке, выпустила в этот мир два ярко-красных, неестественно красивых, идеальных цветка.

-Я теперь понимаю, почему он...

-Странный? – Ольга грустно усмехнулась. – Да он не странный Ань, он никогда не был странным, тебе так казалось со стороны. Он особенный. И болезнь научила его любить в жизни все. Все то, что у него есть. Он ценит каждый свой день и каждую ночь. Он проживает свою жизнь в мире с самим собой и с окружающей его реальностью. Он находит радость в таких простых вещах, о которых мы с тобой даже не задумываемся. У него нет времени на то, чтобы тратить его впустую. Вот, что я поняла, когда узнала его. Думаю, это все, что должен уметь человек. Он умеет быть счастливым и ничего не ждет.

Ольга замолчала. Сестры немного посидели в холле. Затем Анна встала, взяла Ольгу за предплечье и потянула ее наверх.

-Поехали сейчас домой. Тебя дочка ждет.

Август выдался холодным. Каждый день светило солнце, но северные ветра не давали воздуху и земле прогреться. Машка где-то подцепила заразу и в легкой форме за неделю переболела ветрянкой. Ходила вся в пятнах, зеленая, как лягушка, но зато играла новыми игрушками, подаренными ей по случаю временного заточения в доме.

Ольга думала о дочери. О том, как та пойдет в школу и как она, Ольга, будет помогать ей учить уроки. Как будет наглаживать ей школьную форму, и будет трястись вместе с ней перед экзаменами. Думала о том, как она будет провожать, и встречать ее. До тех пор, пока взрослеющая девица не взбрыкнет и не откажется от этой компрометирующей материнской заботы.

Будет хорошо, если дочь вырастет похожей на маму и на Аню. Если она сумеет найти себя в профессии и сумеет построить свое личное счастье. Если она не будет грезить наяву, а станет жить, радуясь мелочам и легко преодолевая бытовые трудности.

Ребенка нужно этому научить. Нужно показать этот мир со всех сторон и на собственном примере дать ему понять, как много мы можем. Нужно лишь трудиться. И мечтать. Не переставая. Думать о большем и хотеть большего.

Научиться талантливо, красиво жить, и просто быть хорошим человеком.

Вечерами они сидели под яблоней. Не прижившиеся на ветках, подточенные плоды, кислые и краснобокие, падали на землю. Ольга собирала и выбрасывала их, но сверху осыпались новые.

-Ань, ты почему о сих пор одна? – спросила Ольга. –Столько лет уже. Неужели тебе никто ни разу не нравился?

-Да не настолько, чтобы... Мне двадцать семь. Что, прямо так много?

Ольга пожала плечами.

-Ну, самый возраст.

-Не знаю, - сестра отмахнулась. –Дураки какие-то все вокруг меня. Лентяи. Перед глазами – наш папка, да твой Женька все стоят. Один дурак, другой жлоб. Честно, от таких впечатлений так просто даже говеным веником не отмашешься.

Ольга засмеялась.

-Да нет, не все же такие.

-Не все. Но мне пока не везет на нормальных. Черт бы все побрал...

-Анька. Не ругайся чертом! Оттого и счастья нету у тебя...

-Вера! Замолчи там! Нет, ты посмотри только! Старуха - старухой, а слух, как у шпиона. Сидит в кухне и все слышит, зараза.

-А нюх, как собаки, а глаз, как у орла, - продолжила с улыбкой Ольга. – Раньше люди крепче были. В ней здоровья еще много.

-Что правда, то правда.... Да, вот, может, она и права, мне нужно меньше материться, отпугивать потенциальных мужей. А то проживу всю жизнь одна. Хотя, не так уж это и плохо. Меньше нервов уйдет.... Бл..дь! Ольга, ну что делать будем?!

-Что делать? – Ольга испуганно уставилась на нее.

Анна молчала. Напряженно думала, кусая губу и таращась в забор.

-Дают два миллиона за участок. Я узнавала, - сказала она, наконец.

-Уже дают...

-Да. Земля дорожает с каждым часом. Центр города. Тут такие деньжищи вбуханы. Мы не отвертимся, это точно.

-Понятно.

Ольга опустила глаза.

-Оля. А Андрей... его знаешь без году неделя. Я – вообще не знаю. Что мы будем делать? У нас – ребенок, старуха на руках. Куда мы подадимся? Что будет потом?

-Аня я... Я ничего не могу тебе сказать. И пообещать ничего не могу.

-Ты сама как чувствуешь?

-Ты о чем спрашиваешь меня? Хочешь довериться моей интуиции? - Ольга слабо улыбнулась. -Так она кричит.

-О чем же?

-Что он мой... Такое счастье и на всю жизнь... мне кажется, для одной меня– это слишком много. Но даже не в этом дело. Он хороший человек, Аня. Он по-настоящему хороший человек. Но разве я могу помочь ему?

-Ты можешь все, что угодно.

-Разве?

-Можешь, - упрямо произнесла Анна. -Деньги, разве это все?

-Нет, конечно.

-Именно. Есть еще семья. Есть работа, для зарабатывания этих самых денег. Или он не настолько нужен тебе?

Ольга вскинула голову. Глаза у нее уже были влажные, на щеках блестели мокрые дорожки.

-Да, я это заметила, - продолжила Анна. -Похоже, вы нашли друг друга... Дети. Большие дети. Где ваша сила и уверенность? Почему вы не можете побороться за себя?

-Он борется, Аня. Каждый свой день. Ты просто не видела.

-Допустим... А ты? Ты готова побороться? Или так и будешь сидеть сиднем! Боже, да я бы...как мне хотя бы раз увидеть в людях то же, что видишь ты, может, и я бы в кого-нибудь так же влюбилась. Но я так не могу... Плохо, очень плохо быть одиноким. К этому привыкаешь, и от этого еще хуже.

-Это не плохо. И не хорошо. Но, в некоторых вещах, лучше не спешить, теперь я это понимаю.

-Так что ты...

-Ничего, - перебила Ольга. -Я думаю, мы справимся. Он не сможет просто так исчезнуть, я его не отпущу.

-Мама! Мама! Иди сюда!

-Иду! – крикнула Ольга. Поднялась, и ушла в дом, оставив Анну под яблоней одну.

-Конечно...не отпустит.... Что за черт? - Пробормотала Анна. -Какого хрена я все и за всех должна решать сама? Я и лошадь, я и бык, я и баба и мужик. Так получается? Смех сквозь слезы. Ольга.... Идите вы на хрен. Убью обоих!

В дождливом сыром ноябре сестры получили шенген. И на остатки полученных за участок денег, прилетели в Германию, на целых две недели. Для обеих это была первая в их жизни заграница. Едва приехав и заселившись в отель, они тут же собрались и вышли на улицу. Хотелось осмотреться, потоптать чужие тротуары, подышать воздухом. Ольга крепко уцепилась за Машкину руку, боясь отпустить дочку хоть на секунду. Аня хмуро смотрела по сторонам, щурилась и морщилась, со скрипом воскрешая в памяти остатки школьного немецкого.

Берлин окатил их запахами увядающей листвы и речной воды. Изредка сыпал мелкий дождь, здания казались серыми, а низкое хмурое небо было таким же, как и на родине.

В больницу они приехали ближе к вечеру. Долго объяснялись на посту, что да как, без знания языка им было сложно. Наконец, их впустили. В сопровождении медсестры они поднялись на третий этаж в стерильном, идеальном, совершенно бесшумном лифте. Прежде чем войти к нему, они, вытянув шеи, робко заглянули внутрь через маленькое стеклянное окошко в двери. Андрей лежал на высокой, светло-голубой кровати. Кровать была ему маловата, его ноги свисали. В руках у него была книга. Он поднял глаза и тут же увидел сестер. Улыбнувшись им, он вскинул вверх свою правую ладонь.